
Е. И. НИКОЛАЕВА, А. М. САФОНОВА

ДЕТСКАЯ ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА КАК ОТЗВУК СОЦИАЛЬНЫХ ПОТЯСЕНИЙ

Цель исследования (его базовая часть проводилась в 1990 году) – описать влияние событий 1930-х годов на детей, чьи родители были репрессированы. Через 50 лет у испытуемых зафиксирован характерный психологический механизм, состоящий в подавлении непосредственной реакции на негативный стимул и преломлении агрессии через инвертированную реакцию на позитивный стимул. Детские психологические травмы служат в данном случае маркером масштабных социально-исторических потрясений.

Ключевые слова: *негативный эмоциональный опыт, детство, критический период, политические репрессии, отдаленные последствия, психологическая травма, сталинский режим.*

Острые дискуссии относительно событий, произошедших в стране в период сталинских репрессий, обычно опираются на документальные свидетельства или рассказы очевидцев, но редко соотносятся с психологическими исследованиями, направленными на анализ реакций людей. Число таких исследований незначительно, и чем больше времени проходит с тех пор, тем менее они вероятны.

В нашем исследовании участвовали научные сотрудники одного из институтов Новосибирского Академгородка (41 человек), у которых были репрессированы ближайшие родственники (отец или мать) и которым в момент репрессий было не более семи лет. Дальнейшая их жизнь сложилась относительно успешно, все они окончили высшие учебные заведения и работали в одном из престижнейших научно-исследовательских институтов страны. Нас интересовало, как события, происходившие 50 годами ранее (исследование проводилось в 1990 году), отразились на психологических реакциях людей.

При изучении психологических обстоятельств жизни испытуемых от рождения до момента обследования особое внимание уделялось первым семи годам жизни. Полученные данные в силу их специфичности кодировались номерами. В компьютер вводились номера и экспериментальные данные без дополнительной информации о психологических особенностях личности и семейных ис-

ториях, рассказанных испытуемыми в ходе устной беседы. Эти данные были использованы для того, чтобы выделить контрольную и две экспериментальные группы. В дальнейшем оригиналы уничтожались, а обработке подвергались данные, введенные в компьютер и уже разделенные на три группы.

В первую экспериментальную группу вошли люди, чьи родители были арестованы или погибли в тюрьмах и лагерях в 1930-х годах. На момент обследования все они занимали устойчивое социальное положение, получали зарплату не ниже средней, имели удовлетворительные жилищные условия (по среднестатистическим меркам, принятым в Советском Союзе). Основным критерием отбора в эту группу служила возможность устойчивой адаптации человека к существующим условиям и до некоторой степени удовлетворенность ими, несмотря на факт репрессивных воздействий со стороны государства в прошлом. Испытуемые подбирались таким образом, чтобы они могли помнить момент репрессии, но чтобы возраст их на момент обследования не превышал 65 лет. Таким образом, были обследованы люди 1925–1939 годов рождения (4 женщины и 37 мужчин). Эту группу мы условно назвали «Дети врагов народа».

Вторая экспериментальная группа, созданная методом парного отбора относительно первой, включала также 41 человека. У испытуемых этой группы хотя бы один родитель погиб во время Великой Отечественной войны. Условно она была названа «Дети героев войны». Необходимость подбора такой группы состояла в том, что сопоставление с ней позволяло отчленить сам факт гибели родителя от связанных с ней социальных обстоятельств.

Контрольная группа соответствовала двум экспериментальным по возрасту и социальному положению, но вошедшие в нее испытуемые в детстве не пережили столь трагичных событий: их родители не были репрессированы и либо не воевали, либо вернулись живыми.

Со всеми испытуемыми психотерапевтом-консультантом проводились беседы в рамках ежегодного профилактического осмотра. Им предлагалось рассказать об истории семьи, о воспоминаниях детства, в том числе о взаимоотношениях с родителями, после чего заполнить бланки ассоциативного теста и теста Басса – Дарки. Полученные данные сопоставлялись с результатами осмотра их терапевтом, записи о чем имелись в амбулаторной карте.

В процессе бесед было выявлено важное обстоятельство: испытуемые первой экспериментальной группы («Дети врагов народа») описывали только события своей жизни. О собственных переживаниях или переживаниях родственников никто не упоминал. Созда-

валось ощущение, что в их языке отсутствуют слова, характеризующие эмоции. Воспоминания о событиях, полностью изменивших жизнь, содержат исключительно факты. Известно, что и у лиц, находившихся в заключении во время войны, также отмечаются трудности вербализации своего эмоционального опыта (Babaĵa, Stermseĵ 1992).

Обследование проводилось следующим образом. Каждый испытуемый заполнял специальный бланк, включающий 2 ряда слов по 32 слова-стимула. Среди них – 28 эмоционально значимых, подобранных методом независимой экспертной оценки. Экспертами служили 10 человек, не участвующие в дальнейшем обследовании (Николаева и др. 2009). Эмоциональные слова были распределены между нейтральными случайным образом.

Испытуемым предлагалось последовательно прочитывать слова-стимулы и с максимальной скоростью записывать рядом с ними первое пришедшее в голову слово-существительное (ассоциацию), задерживаясь на одном слове не более 15 секунд. Если за это время ни одно слово не приходило в голову, надо было переходить к следующему, поставив рядом с предыдущим пропуск. Обследование проводилось индивидуально, и экспериментатор имел возможность следить за правильностью выполнения инструкции.

Слова-ассоциации вводились в компьютер. Для каждого слова-стимула отдельно по каждой группе подсчитывался процент отсутствующих ассоциаций. Для эмоциональных слов дополнительно оценивалось число инвертированных ассоциаций, т. е. ассоциаций, знак эмоциональной окраски которых противоположен знаку слова-стимула. Например:

<u>слово-стимул</u>	<u>слово-ассоциация</u>
	(инвертированная) (неинвертированная)
любовь	ненависть, злость ласка, поцелуй
недруг	друг враг
горе	радость печаль, беда

В дальнейшем вычислялись средние значения параметров для каждого типа слов-стимулов. При оценке различий ассоциаций на слова-стимулы положительной и отрицательной окраски из списка эмоциональных слов были исключены слова «хочот» и «сила», для которых оценка знака экспертами оказалась неоднозначной. Таким образом, в суммарные данные по положительно эмоциональным словам вошли 10 слов, по отрицательно окрашенным – 16 слов.

Кроме того, всем испытуемым предъявлялся тест Басса – Дарки (Bass, Durkee 1957), адаптированный на русский язык Ю. М. Плюсиным (см.: Гордиенко и др. 1997). При разработке русского вари-

анта опросника он учитывал опыт валидизации шкал опросника, проведенной У. Велисер с соавторами (Velicer *et al.* 1985).

Русская версия включала 40 вопросов и имела 5 шкал: 1) физическая агрессия; 2) вербальная агрессия; 3) непрямая агрессия; 4) подозрительность-враждебность; 5) подавление враждебности.

Данные оценивались с помощью критерия Колмогорова – Смирнова на нормальность. Ввиду невозможности применять критерий Стьюдента мы использовали четырехпольный тест Фишера (Fisher's exact test for 2×2 tables).

Анализ ассоциативного теста обнаружил существенные различия в группах как по числу отсутствовавших ассоциаций на эмоциональные слова, так и по числу инвертированных ассоциаций. Уже на нейтральные слова число отсутствующих ассоциаций в контрольной (третьей) группе было в 2 раза меньше, чем в первой экспериментальной ($2,6 \pm 5,2$ и $5,8 \pm 2,6$ соответственно). Однако разброс данных не позволяет говорить о достоверном различии. Во второй экспериментальной группе число отсутствующих ассоциаций на нейтральные слова занимает промежуточное положение ($3,4 \pm 3,1$).

Число отсутствующих ассоциаций для эмоциональных слов в первой экспериментальной группе больше, чем в контрольной, почти в 10 раз ($11,7 \pm 7,4$ и $1,3 \pm 1,8$ соответственно, $p < 0,01$), во второй экспериментальной группе этот показатель равен: $2,4 \pm 1,4$ (рис. 1). Отказ от ассоциирования в первой экспериментальной группе чаще отмечается для отрицательно окрашенных слов по сравнению с положительно окрашенными ($12,9 \pm 8,1$ и $9,5 \pm 5,9$ соответственно). В контрольной группе в данных для отрицательно и положительно окрашенных слов нет различий ($1,3 + 1,8$ и $1,3 + 1,8$ соответственно). Различий нет и во второй группе ($2,6 \pm 1,5$ и $2,3 \pm 1,3$).

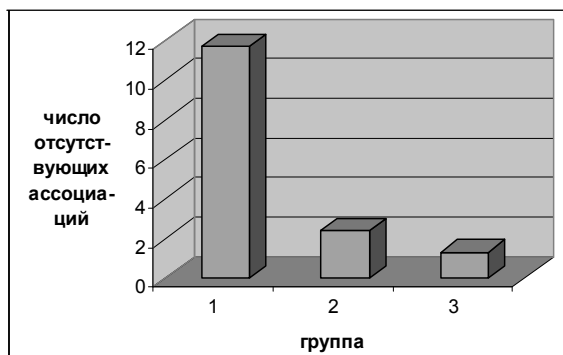

Рис. 1. Число отсутствующих ассоциаций на эмоциональные слова у испытуемых разных групп

В первой экспериментальной группе все испытуемые дали ассоциативные ответы лишь на одно слово – «вражда». В контрольной группе таких слов было 15 (из 26 эмоциональных). Чаще всего в первой экспериментальной группе отсутствовали ассоциации на слова «горесть» (почти у 30 % испытуемых), «наглость», «злоба», «пакость», «добро». В двух других группах столь высокий процент отсутствия ассоциаций (20 % и более) не зафиксирован.

Другим важным показателем, демонстрирующим существенное отличие в группах, является число инвертированных ассоциаций на эмоционально окрашенные слова. Этот показатель различается практически в два раза (8,3 + 1,6 и 2,6 + 0,9 соответственно в первой экспериментальной и контрольной группах) (рис. 2). В каждой группе чаще инвертируются ассоциации на положительно окрашенные слова по сравнению с отрицательно окрашенными (9,9 + 1,8 и 6,9 + 1,3 в первой экспериментальной группе и 3,1 + 1,2 и 2,4 + 0,6 в контрольной группе соответственно), однако уровни значимости эти различия достигали только в первой экспериментальной группе. Испытуемые второй экспериментальной группы занимали промежуточное положение.

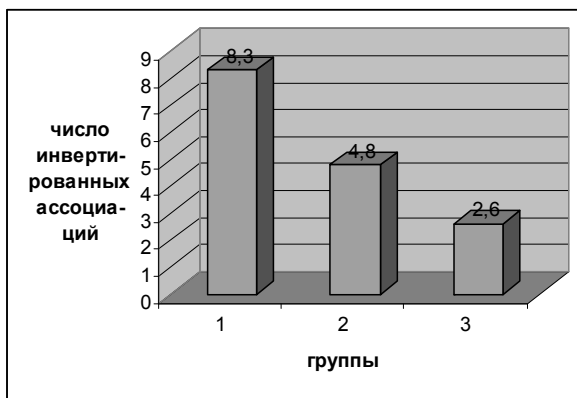

Рис. 2. Число инвертированных ассоциаций на эмоционально значимые слова у испытуемых трех групп

В первой экспериментальной группе три слова были инвертированы более чем у 40 % испытуемых: «веселье», «горе», «добро». В контрольной группе эти слова также инвертируются чаще других, хотя число инверсий значительно меньше: 21, 18 и 35 % соответственно.

Особенности показателей агрессии у испытуемых разных групп

Группы	Шкалы				
	Физическая агрессия	Вербальная агрессия	Непрямая агрессия	Подозрительность-враждебность	Подавление агрессии
1	2,4 ± 0,7 **	4,5 ± 1,1**	4,6 ± 1,1 *	1,9 ± 0,9*	3,2 ± 0,7*
2	4,8 ± 1,1	4,6 ± 1,3	2,7 ± 0,9	1,7 ± 1,1	2,0 ± 0,9
3	4,1 ± 1,4	2,3 ± 0,9	3,3 ± 0,7	3,1 ± 0,8	2,4 ± 0,7

Примечание: ** – различия между первой и третьей группами с уровнем значимости – $p < 0,01$; * – $p < 0,05$; – различия между первой и второй группами с уровнем значимости – $p < 0,01$, – $p < 0,05$; – различия между второй и третьей группами с уровнем значимости – $p < 0,01$, – $p < 0,05$ (критерий Фишера).

Существенные различия между группами были обнаружены по нескольким шкалам опросника Басса – Дарки. Первая экспериментальная группа имела бóльшие значения показателей по шкалам «Вербальная агрессия» и «Непрямая агрессия», а также «Подавление агрессии» по сравнению с контрольной. Показатели физической агрессии, напротив, были существенно выше в контрольной группе по сравнению с первой экспериментальной (табл.). Бóльшие значения в контрольной группе были отмечены и для подозрительности-враждебности.

Стоит отметить, что по данной методике группа, названная «Дети героев войны», не занимает промежуточного положения между первой и третьей. Испытуемые этой группы демонстрируют такой же высокий уровень физической агрессии, как и испытуемые третьей группы, и такой же высокий уровень вербальной агрессии, как испытуемые первой группы. При этом у них низкие показатели по шкалам «Непрямая агрессия», «Подозрительность-враждебность» и «Подавление агрессии». Таким образом, для первой группы в большей мере характерна вербальная и непрямая агрессия, а также ее подавление, для второй группы – явная агрессия во всех видах.

Анализ амбулаторных карт обследуемых трех групп дал следующие результаты. Распределения испытуемых каждой группы имеют различную *моду* (наиболее часто встречающийся показатель

в выборке): если в контрольной группе большее число людей имеют по три хронических заболевания, то в двух экспериментальных – пять и более (рис. 3). Значимые различия существуют между числом испытуемых, имеющих три хронических заболевания, в контрольной (третья группа) и в двух других группах ($p < 0,01$), и числом испытуемых с пятью заболеваниями в контрольной и в двух других группах ($p < 0,05$). Конкретный анализ заболеваний выявил, что в обеих экспериментальных группах наиболее часто встречаются заболевания желудочно-кишечного тракта (соответственно в первой группе – 58,5 %, во второй – 56,1 %), немного реже – невротические синдромы (48,8 % и 51,2 %), затем идут атеросклероз (26,8 % и 21,9 %) и ишемическая болезнь сердца (21,9 % и 29,2 %). Аналогичные значения для обследованных в контрольной группе составляют: 24,3 %, 19,5 %, 7,3 %, 7,3 %.

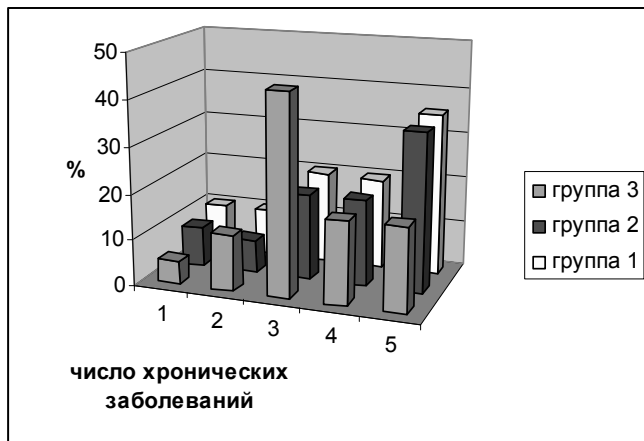

Рис. 3. Число хронических заболеваний у испытуемых трех групп

Полученные результаты свидетельствуют о существенном влиянии переживаний 50-летней давности на особенности восприятия эмоциональной информации и проявление агрессии у взрослого человека. В первой экспериментальной группе выявлено подавление непосредственной негативной реакции в ответ на отрицательно окрашенный сигнал. Это обнаруживается и в десятикратном увеличении случаев отсутствия ассоциаций преимущественно за счет отрицательно окрашенных слов, и в меньших оценках по шкале физической агрессии. Качественный анализ слов показывает,

что чаще всего отсутствуют ассоциации на слова, характеризующие насилие.

В то же время рост значений по шкале вербальной агрессии свидетельствует не о подавлении реакции, а о ее своеобразном смещении, когда негативная эмоция реализуется через ответ на положительно окрашенные стимулы. Это подтверждается увеличением числа инвертированных ассоциаций в ответ на положительно окрашенные слова.

Известно, что инвертированные ассоциации в ответ на предъявление эмоциональных слов очень часто встречаются у больных острым неврозом и практически отсутствуют у здоровых людей (Николаева, Сафонова 1989). Возможно, это явление аналогично инверсии действий и чувств, продемонстрированной П. Жанэ (Janet 1935), или неосознанной инверсии ценностей у К. Хорни (Horney 1950).

В данном обследовании число инвертированных ассоциаций высоко в обеих экспериментальных группах, что свидетельствует о состоянии острого психоэмоционального напряжения у испытуемых в каждой из них. Нам представляется, что переживание, которое свойственно тем, кто вошел в обе экспериментальные группы – стремление маленького ребенка защититься от информации, связанной со смертью или исчезновением любимого существа, – вызвало к жизни механизм, открытый в лаборатории И. П. Павлова сотрудницей М. Н. Ерофеевой (1953). Суть ее эксперимента состояла в том, что собаку постепенно обучали связывать слабое раздражение электрическим током с подачей пищи. После выработки условного рефлекса на слабый отрицательный стимул силу тока, вызывающего раздражение, стали увеличивать. В результате сильный ток, вызывающий ожог, приводил к выделению слюны и радостному помахиванию хвостом у животного, предвкушающего пищу. Этот эксперимент демонстрирует механизм изменения отношения к отрицательному воздействию при наличии особых условий предъявления. Когда в 1913 году при посещении лаборатории Павлова Ч. С. Шеррингтон увидел подобную реакцию собаки, он воскликнул: «Теперь... стала понятна стойкость христианских мучеников» (Петровский, Ярошевский 1998: 290).

Если в эксперименте Ерофеевой отмечается инвертированная реакция на отрицательно окрашенный стимул, то в анализе результатов группы, условно названной «Дети врагов народа», наряду с подобной реакцией мы чаще фиксируем подавление ответа на от-

рицательно окрашенный и инверсию на положительно окрашенный стимул.

Следовательно, в группах «Дети врагов народа» и «Дети героев войны» выработались разные реакции защиты от травмирующей информации. Первые подавляли любые проявления негативной реакции, позволяя себе реагировать агрессивно только на положительно значимый стимул. Стоит учесть, что реабилитация их родителей происходила лишь в 1956 году, когда все они были состоявшимися людьми и самому младшему было уже 20 лет. Все детство они были незащитны перед обществом, оставались наедине со своим горем и вынуждены были скрывать факт родства с «врагами народа».

«Дети героев войны», напротив, потеряв отца, ощущали его за собой как символ, позволяющий им нападать и отстаивать свою позицию.

По-видимому, эти способы не обеспечивают полной реализации негативных эмоций. Число хронических заболеваний явно свидетельствует об аутоагрессии у испытуемых обеих групп. Это подтверждается сочетанием у этих людей одновременно нескольких заболеваний, традиционно рассматривающихся как психосоматические (Punamaki 1989; Folks, Kinney 1992; Bennett, Carroll 1994). Важно, что аутоагрессия одинакова и у «Детей врагов народа», и у «Детей героев войны». Неживой родитель, хоть и герой, действует только в воображении ребенка и не может скрасить одиночество, когда ребенок сталкивается с реальностью.

Таким образом, в нашем исследовании наряду с уже описанными механизмами развития личности в тоталитарном государстве – инверсией реакций на отрицательно окрашенный стимул, психосоматические изменения, инфантильность (Bettelheim 1943; Hayek 1944; Cohen 1954; Fromm 1964; Francl 1979) – выявлен особый механизм подавления реакции на негативный стимул с возможностью корректирования возникших эмоций через позитивный стимул. Более высокие значения вербальной агрессии у испытуемых данной группы могут быть связаны с тем, что для них это единственная возможность реализовать агрессивные тенденции через вербальный ответ на положительно окрашенную информацию. Возможно, это механизм, который возникает только у ребенка, не способного противостоять социальному механизму государства.

Наличие негативных реакций на позитивные воздействия и отсутствие реакций на негативные воздействия как психологический

механизм у одного человека может усложнить его жизнь. Если в стране вырастает большое количество таких людей, то, не реагируя на негативные последствия тоталитарного режима и отвечая негативно на положительные действия в направлении изменения государственного строя, они могут поддерживать этот режим и сдерживать любые преобразования. Следовательно, тоталитарный режим, отбирая у детей их родителей в критический период их развития, создает психологический механизм самовоспроизводства.

Литература

Гордиенко, А. А., Еремин, С. Н., Плюснин, Ю. М. 1997. *Академическая наука в кризисном обществе (на материалах мониторинга Новосибирского Академгородка)*. Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН; ЦСА.

Ерофеева, М. Н. 1953. *Электрическое раздражение кожи собаки как условный возбудитель работы слюнных желез*. М.: Изд-во АМН СССР.

Николаева, Н. И., Купчик, В. И., Тренин, Е. М., Сафонова, А. М. 2009. *Эмоция и эмоциональная ассоциация*. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина.

Николаева, Е. И., Сафонова, А. М. 1989. Использование теста инверсии эмоционального отражения для выявления лиц с высоким риском развития невротических расстройств. *Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова* 10: 111–114.

Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. 1998. *Основы теоретической психологии*. М.: ИНФРА-М.

Babaja, K., Stermsek, Z. 1992. Psiholosko-psiholodijski pristup bivsim zarobljenicima. *Medical Annals* 18: 51–56.

Bass, A., Durkee, A. 1957. An Inventory for Assessing Different Kinds of Hostility. *Journal Consulting Psychology* 21: 343–349.

Bennett, P., Carroll, D. 1994. Cognitive-behavioral Interventions in Cardiac Rehabilitation. *Journal Psychosomatic Research* 38: 169–182.

Bettelheim, B. 1943. Individual and Mass Behavior in Extreme Situation. *Journal Abnormal and Social Psychology* 38: 417–452.

Cohen, E. A. 1954. *Human Behavior in the Concentration Camp*. London: Pelican Books.

Folks, D. G., Kinney, C. K. 1992. The Role of Psychological Factors in Gastrointestinal Conditions: a Review Pertinent to DSM-IV. *Psychosomatics* 33: 257–270.

Francl, V. 1979. *Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn*. München; Zürich: Piper.

- Fromm, E.** 1964. *Escape of Freedom*. N. Y.: AVON books.
- Hayek, F. A.** 1944. *The Road of Serfdom*. London: Pelican Book.
- Horney, F.** 1950. *Neurosis and Human Growth*. Norton; N. Y.: Academic Press.
- Janet, P.** 1935. *Le debuts de l'intelligence*. Paris: Ablex.
- Punamaki, R-L.** 1989. Political Violence and Mental Health. *International Journal of Mental Health* 17(4): 3–15.
- Velicer, W. F., Govia, J. M., Cherico, N. P., Corriveau, D. P.** 1985. Item Format and Structure of the Buss-Durkee Hostility Inventory. *Aggressive Behavior* 11: 65–82.